

Глобализация и ее сторонники: взгляд аболициониста

(Впервые опубликовано в журнале «Green Anarchy» #14, лето 2003)

Рабовладельческий строй на американском Юге в эпоху своего расцвета не испытывал недостатка в защитниках. За этот странный институт вступались писатели, священники и плантаторы, считавшие, что он предписан Богом и оправдан расовым превосходством белых над черными. Аболиционистов, которые сжигали конституцию, прятали беглецов и нападали на федеральные склады оружия, повсюду считали опасными подстрекателями, место которым в тюрьме или на виселице.

Задним числом слово «рабство» ассоциируется с миром принуждения, насилия, деградации и сопротивления. Сейчас, в XXI веке, совершенно очевиден мерзкий, лживый расизм сторонников рабства века XIX-го. Однако многие ли способны так же ясно увидеть нашу сегодняшнюю форму рабства?

Во имя прогресса мировое развитие и всемирная империя погружают человечество в рабство и повсеместно уничтожают природу. Джаггернаут по имени «глобализация» поглотил почти всю оппозицию, сокрушив сопротивление с помощью безжалостной унифицирующей системы капитала и технологии. Ощущение тщетности, граничащее с нигилизмом, теперь считают неизбежной реакцией на современность: «Да ладно...» В атмосфере фатализма особенно заметно оскудение теории. Книжные полки завалены научными изданиями, призывающими сдаться и приспособиться к новой реальности. Иные энтузиасты вскочили на подножку трамвая глобализации или, чаще всего, всегда там и были. С точки зрения аболициониста, реакция большинства интеллектуалов на приближающийся планетарный кризис — апология, в бесконечном количестве версий.

Например, Патрик Брантлингер («Апокалипсис 2001, или Что будет после постистории?», 1998) предполагает, что в постисторическую эпоху мы лишились способности объяснять общественные сдвиги. Однако для тех, кто готов критически оценить фундаментальные аксиомы, причины, стоящие за глобальными изменениями, вполне очевидны. Обесценивание жизни, идущее сейчас все быстрее и быстрее — неизбежное следствие самой цивилизации, ее динамики. Одомашнивание животных и растений, начавшееся всего лишь 10 тысяч лет назад, распространилось на каждый квадратный сантиметр планеты. Результатом стало уничтожение автономии и здоровья человека и общества, а также бесконтрольное, все

ускоряющееся разрушение мира природы. Моррис Берман, Джерри Мандер и другие критики описывали «разочарование» мира, подчиненного технологическому развитию. Цивилизация замещает прямой опыт опосредованным, отдаляя людей от естественных условий существования и друг от друга. В нашей жизни все больше аномии, разделения и одиночества. Аналогичный набор инструментов воздействует на наши экосистемы, превращая их в не более чем ресурсы для разработки и подвергая всю биосферу опасности. В основе своей, в глобализации нет ничего нового. Разделение труда, урбанизация, завоевания, выселения и диаспоры были неотъемлемой частью жизни человека с самого начала цивилизации. Однако глобализация вывела процесс одомашнивания на новый уровень. Теперь мировой капитал нацелен на эксплуатацию всего живого на Земле — это определяющий признак глобализации, ранее неизвестный. Мыслители начала XX века (в том числе Теннис и Дюркгейм) отмечали, что модернизация всегда приносит фрагментацию и нестабильность. Сейчас, на, возможно, самом последнем этапе, эти явления тем более очевидны. Проект объединения посредством мирового контроля повсюду влечет разобщение: потеря корней, замыкание в себе, ощущение бессмысленности... и все это появилось совсем не внезапно. Мировой строй теперь — высокотехнологичный империализм. Новый рубеж — киберпространство. На языке вечной империи всемирные власти зовут на новое приключение, на крестовый поход — приручать и колонизовать (или реколонизовать).

«Глобальная деревня» Маршалла Маклюэна — пускай клонированная — снова в моде: всем людям предназначено быть частью глобального общества. Единого взаимозависимого макмира, питаемого стандартизированной грустью иссушающего консюмеризма. Поэтому не стоит удивляться, что среди людей, называющих себя «антиглобалистами», все больше тех, кто на самом деле является противником глобализации, кто нацелен на деглобализацию, кто понимает крайнюю необходимость в гораздо более радикальной критике и осмыслении нынешнего положения.

В «глобальной деревне», которая сдалась на милость эпидемиям, почти мгновенно приобретающим мировой размах, сейчас прямо-таки страшно. С 1980-х термин «риск» разошелся фактически по всем дискурсивным сферам и областям развитых обществ. С расширением модернизации и глобализации способность национальных государств «справляться» с рисками совершенно очевидно понизилась, а страх людей только возрос. Эта тенденция также стала причиной нарастающего разочарования в идее представительного правительства, а также усиления — пусть только на начальном уровне — антимодернистских настроений, которые в последние годы воодушевляют антиавторитарные движения. Во всех главных социальных институтах видится пустота, если не сказать враждебность. Как пишет Мануэль Кастельс («Интернет-галактика», 2002), «весь мир полон необычайной тревогой по поводу тех изменений, которые несет технология; тревогой, грозящей вылиться в широкомасштабные ответные действия».

Технологизированный мир продолжает разрастаться, обещая нам избавить нас от все менее и менее привлекательного содержания нашей обычной жизни. Коммивояжеры от технологии раздают бесконечные заманчивые обещания, надеясь на то, что никто не понимает, что именно технология несет главную ответственность за обнищание реальности; технология тем временем продолжает давать метастазы. Сетевая культура (показательное

название) — первейший тому пример: нищее подобие общественной жизни, распространяемое через виртуальное пространство. Сейчас, когда личные, естественные связи между людьми с такой решительностью уничтожаются, наступает время сообщества виртуального. Формулировка Роба Шилдса («Виртуальное», 2003), от которой кровь стынет в жилах: «Отсутствие присутствует лишь виртуально». Сетевое «сообщество» не похоже ни на какие сообщества в истории человечества; в нем нет ни настоящих людей, ни собственно общения. Человек в этом удобном нематериальном сообществе может выключить других людей одним нажатием «мыши» и «пойти» куда-нибудь в другое место. Псевдосообщество растет на руинах того, что осталось от настоящих связей. Чувства и чувствительность равно ослабевают, «ответственность» похоронена в расширяющемся постмодернистском Музее Потерянных Слов. Высохшие оппозиционеры и покорные уклонисты-фаталисты не помнят, что аболиционисты, когда-то бывшие крошечным меньшинством, не отступали и, в конечном итоге, победили.

Конечно, все это не случилось за одну ночь. Несколько лет назад рекламные ролики телефонной компании «АТ&Т» призывали «протянуть руку и коснуться кого-нибудь», предлагая человеческое общение и скрывая истину: именно такие технологии сыграли ключевую роль в том, чтобы лишить нас общения. На смену непосредственному опыту приходит опосредование и имитация. Цифровая информация заменяет собой подлинную близость и возможность доверия, основу взаимодействия реальных физических людей. В статье «Свои люди проявляют любопытство, а чужие — недоверие» (2002) Борис Гройс писал: «Нам приходится смириться с тем, что нельзя верить собственным глазам и ушам. Каждый, кто когда-нибудь работал на компьютере, это знает».

Точно так же, в экономике и политике глобализация тоже не новость. В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс, основываясь на текущих показателях роста производства и потребления, предсказывали появление мирового рынка. А первой глобальной производственной системой за 300 лет до этого стала испанская империя. Маркс утверждал, что технология предлагает две противоположные возможности — высвобождения и принуждения. Но почему-то проект очеловеченной технологии оказался беспочвенным и безрезультатным; в итоге появилось лишь технологизированное человечество. Технология воплощает в себе сопутствующий ей общественный порядок и, благодаря своему планетарному триумфу, подчиняет себе главные ценности и традиции. Технология никогда не существует в вакууме и никогда не является ценностно-нейтральной. Например, некоторые так называемые критики технологии говорят о «продвижении к более высокому уровню интеграции человечества и природы». Такая «интеграция» не может не повторять интеграцию, лежащую в основе цивилизации и ее глобализации — а именно ключевые институты, которые все интегрируют в себя самих. И первая среди них — разделение труда. Растущая пассивность населения в повседневной жизни — одно из центральных явлений современности. Разделение труда разрушительно действует на фракционированную личность, крайне зависимую — вплоть до инфантильности — от технологического мира и находящуюся под все более полным фактическим контролем квалифицированных специалистов. Этот фундаментальный институт усложняет действительность, и именно он с самого начала был двигателем принуждения. Источник всякого отчуждения, «разделение труда — это убийство народа». Вероятно, никто не смог так убедительно изобразить калечащую, деформирующую и

истощающую сущность разделения труда, как это сделал в XVIII веке Адам Смит. Оно было предпосылкой к возникновению одомашнивания и продолжает оставаться двигателем Мегамшины, используя терминологию Льюиса Мамфорда. Разделение труда лежит в основе парадигматической природы современности (технологии) и ее губительных последствий.

Несмотря на то, что настроения в некоторых кругах начинают меняться, все же остается непонятным, почему теоретики так редко ставят под сомнение этот институт (равно как и одомашнивание, если на то пошло). Латентное стремление к целостности, простоте, а также к непосредственности и прямоте постоянно отвергается как тщетное и/или не относящееся к делу. Марк Тейлор («Момент сложности: возникновение сетевой культуры», 2001) пишет, что «сейчас перед нами стоит задача не отвергать или же не признавать усложненную действительность, а учиться конструктивному взаимодействию с ней». Мы должны «сопротивляться любому ностальгическому чувству», — советует Кэтрин Хейлс («Как мы стали постлюдьми», 1998), признавая при этом, что наилучшим описанием последнего времени будет «кошмар».

Но удивительнее всего даже не то, что отсутствует интерес к предпосылкам и причинам современного состояния опустошенности, а то, что приветствуются перспективы усугубления ситуации. Как можно ожидать положительного результата от чего-то, что явно и во всех сферах жизни производит ровно противоположное? Например, в постчеловеческом Хейлс видит не устрашающую киборг-программу, несущую масштабную опустошенность и дегуманизацию, а «воодушевляющую перспективу нового понимания того, что значит быть человеком», в то время как высокотехнологические «системы эволюционируют в сторону открытого будущего, которое характеризуется случайностью и непредсказуемостью».

Сейчас происходит вот что: забота о том, «что мы потеряли», полностью покорена ориентацией на «любые средства хороши/терять уже нечего». Подобная перемена свидетельствует о глубине утраты и поражения, которое нанесли нам цивилизация, патриархат, индустриализация и современность. Эти интеллектуалы настолько тотально капитулировали, что полностью лишились способности к анализу и пониманию. Пример: «Вопрос сейчас не в том, станем ли мы постлюдьми — эпоха постчеловечества уже началась» (Хейлс).

Технология как приказ забыть, как универсальный растворитель для смысла находит свой культурный голос в постмодернизме. Выраженный в контексте транснационализма, в котором более чем явно проявилась тотализирующая сущность глобализации, постмодернизм стремится к отказу от «какого бы то ни было представления о репрезентируемом и первоначальной цельности» (Мохаммед А. Бамье. «Края глобализации», 2000). Это царство беспомощности — в нем уже не осталось ни одной фундаментальной сферы, с позиции которой можно было бы думать о джаггернауте или противостоять ему. Как утверждает Скотт Лэш («Критика информации», 2002), «мы уже не можем выйти за пределы глобальных коммуникационных потоков и найти точку опоры для критики». В своей книге, которую он некорректно назвал «Критика информации», Лэш заявляет о безоговорочном отречении: «Центральная идея моей книги состоит в том, что такая критика более невозможна. Мне кажется, что сам глобальный информационный

порядок уничтожил и поглотил любую возможность критической рефлексии».

В отсутствие оснований для вынесения суждений исчезает само понятие критериев. Таким образом, постмодерн становится плодородной почвой для любых абсурдных и бессовестных заявлений. Например, И. Блудорн в своей статье «Экологическая модернизация и постэкологическая политика» (2000) попросту отмахивается от малейших намеков на экологическую катастрофу: «когда мы сможем привыкнуть и приспособиться к отсутствию универсальных нормативных стандартов, проблема экологии... просто исчезнет». Циничное принятие непрекращающегося кошмара, облеченное в форму эстетизированной иронии и подразумеваемого безразличия. Совсем дико выглядит бессвязная радость по поводу бракосочетания постмодерна и технологии, выраженного в названии книги «Приключение постмодерна: наука, технология и культурологические исследования в третьем тысячелетии» (2001). Согласно ее авторам Стивену Бесту и Дугласу Келлнеру, «приключение постмодерна только начинается, и вокруг нас разворачиваются десятки различных видов будущего». На словах защищать частное от обобщающих тенденций — это общее место для постмодернизма, но насмешкой над этим выглядит радостное принятие самой главной унифицирующей силы, той машины гомогенизации, которую представляет собой технология.

Эндрю Финберг рассматривает в своей книге «Трансформация технологии» (2002) всепроникающую сущность технологии, замечая, что когда левые присоединятся к восхвалению технологических достижений, в образовавшемся консенсусе не останется места для разногласий. Будучи сам левым, Финберг приходит к заключению, что «мы не можем вернуть назад то, что было потеряно реификацией, с помощью регресса к до-технологическим условиям существования, к некоему раннему единству, не имеющему никакого отношения к современному миру». Но именно это «отношение» и является проблемой. Быть связанным с «современным миром» — это как раз основание для соучастия, лишенное оснований. Постмодерн выступает в качестве реализации или исполнения всемирной технологии — логического предиката глобализации.

Если вынести базовые вещи за пределы всякой дискуссии, получившееся уклончивое нечто не будет иметь никаких освободительных результатов. Влюбленность в поверхностное, несущественное, частичное и т.д. — типичное явление. Постмодернизм объявляет себя субверсивным и дестабилизирующим, но все это проявляется лишь эстетически. Образ потребляет опыт, а мы потребляем образы — вот символ эпохи поражения. Интонация, например, работ Деррида всегда близка к траурной. Вспомните также неизменное уныние Бланшо. Постмодернизм, по словам Джеффри Хартмена («Душевные шрамы», 2002), «предполагает разочарование окончательное или же воспроизводящее само себя».

В настоящее время субъект, с одной стороны, представляется нестабильной, фрагментированной совокупностью дискурсивных позиций — или даже всего лишь побочным эффектом власти или языка, а с другой — в качестве позитивного, плюралистического набора альтернатив. Однако, отказавшись обсуждать основные направления доминации, постмодернисты неспособны увидеть реальное, деформирующее содержание технологии и потребления. Забывчивость технологии, которая непрерывно подвергается натиску волн коммодифицированной культуры, не позволяет ей сформировать

устойчивый характер. В действительности существует глубокая пропасть между господствующими глобальными силами и целостным индивидом, которому грозит уничтожение.

В настоящий момент высокотехнологичная сеть мировой системы завершает трансформацию классов в массы, размывание коллективной солидарности и автономии и изолирование личности. Как указывает Бамье, все это — предпосылки к появлению современной массовой демократии, а также главные политические признаки глобальной современности самой по себе. Однако участие в деятельности этой структуры сокращается — по мере того, как массовый, стандартизированный техномир превращает в дурную шутку идею о том, что какую-либо его часть можно изменить по его правилам. Выборы, например, повсюду понимают как бессмысленный и оскорбительный ритуал, технологизированные и коммодифицированные упражнения в манипуляции. Чувство удовлетворенности и ощущение свободы быстро исчезают, а социальная теория, в большинстве своем, лишена всякой критики. Субъект стал просто плавающим пересечением глобальных сетей; «собственное „я“ — это сложный момент», — равнодушно подводит итог Марк Тейлор.

Наряду с опасным для здоровья ожирением (вызванным по большей части быстрым распространением фастфуда и другой переработанной пищи), международным бедствием стала депрессия. Из всех следствий развития общества именно депрессия прямо свидетельствует об утрате чрезвычайно важных составляющих человеческого счастья. Но, как писал Лиотар («Сказки постмодерна», 1997), «отчаянье рассматривается как расстройство, по отношению к которому необходимо принимать меры, а не как признак невозможной утраты». В США депрессия занимает четвертое место среди основных причин нетрудоспособности, причем по прогнозам к 2020 году она займет уже второе место. Несмотря на то, что сейчас прослеживается реакционная тенденция придавать большое значение генетике и химическим паллиативам, возникновение депрессии гораздо сильнее связано с растущей изоляцией отдельных индивидуумов внутри развитого общества. Здесь важны показатели спада социальной и гражданской активности населения; развитие феномена депрессии и его углубление отмечено ростом аутизма, запойного пьянства и безграмотности. «Почему в эпоху так называемого триумфа Запада так много людей ощущают одиночество и заброшенность и чувствуют себя настолько паршиво?» — спрашивает философ Брюс Уилшир («Мода на нигилизм: критика аналитической философии», 2002).

Не должно теперь показаться парадоксальным то, что углубление расстройства происходит на фоне возрастания роли экспертов в управлении повседневной жизнью. Люди не доверяют институциям, и потеряли уверенность в самих себе. Элисса Гутман в своей книге «Профессия — жизнь вечеринки» (2003) пишет о наемных «мотиваторах» — профессионалах, гарантирующих успешную социализацию. Более серьезная вещь: рациональный подход проникает в нашу жизнь со все более раннего возраста. Детей в возрасте двух лет уже запросто начинают пичкать таблетками от депрессии и бессонницы.

Складывается впечатление, что бесчисленное количество постмодернизмов и фундаментализмов заменяет собой веру в будущее. Маркузе задавался вопросом: нет ли в стремлении нарциссизма к целостности и совершенству зародыша совершенно нового

понимания реальности? И даже — не может ли быть так, что примирение противоречий — вопреки Гегелю — возможно только вне исторического времени?

Те «критики», что остались (например, Хомский, Деррида, Рикер и Плаввуд), призывают к созданию глобального аппарата управления и планирования — под властью которого, надо сказать, у человека станет еще меньше права на собственный голос. Антитотально настроенный Деррида желает появления «Нового Интернационала», видимо, не имея понятия о нулевой степени «демократии» нынешних политических структур. Такая поверхностность, игнорирование и иллюзорность, конечно же, представляют собой одобрение продолжающегося процесса опустошения. Конечно, если решением проблемы может быть государственническое регулирование, оно неминуемо будет тоталитарным. И в лучшем случае частичным — так как никогда не затронет движущие силы цивилизации, такие как разделение труда или одомашнивание. Для некоторых из нас совершенно очевидно, что настоятельно необходим отход от виртуальности, глобальной властной системы, неограниченных средств информации и прочего. Разрыв с этим гибнущим миром — ради вовлеченности, личного диалога, отказа от подавления природы и нас самих. Тодд Гитлин («Неограниченные средства информации», 2002), который отвергает этот отказ, называя его только лишь «желательностью», прав в другом: «Поэтому у последовательных аболиционистов не остается другого выбора, кроме как стать радикальными и бескомпромиссными примитивистами, презирающими блага общества потребления и твердо решившими уничтожить звенья невидимой цепи, которая связывает современное производство, потребление и подразумеваемую ими технологию. Только бесстрашные примитивисты смогут создать постиндустриальную целостность».

Версия #1

Зверобой создал 18 апреля 2025 18:37:10

Зверобой обновил 18 апреля 2025 18:37:31